

Есть в истории мирового искусства имена-легенды. Эдит Пиаф — одна из таких легенд. И потому жизнь великой певицы не перестает интересовать и даже интриговать разные поколения людей. Главным в этой жизни была работа. Но чтобы работать, чтобы вдохновенно творить, ей требовалось находиться в состоянии влюбленности. Увлечений было много — мимолетных и продолжительных, заканчивавшихся спокойно или трагически. Причем Эдит всегда любила деятельно — пытаясь раздуть творческий огонь в человеке, которым была увлечена, а если это был артист, сделать из него новую «звезду». Ив Монтан, Жорж Мустаки, Шарль Азнавур — все они были именно ею «запущены» на орбиту большого мюзик-холла. Последним из возлюбленных-учеников стал Тео Сарапо. Он появился на ее пути в 1962 году, когда Пиаф оставалось жить уже недолго. Их необычный союз шокировал многих людей.

Не совсем обычна и книга «Три года, чтобы умереть», в которой подробно рассказана история Эдит и Тео. Написавший ее журналист Жан Ноли в то время работал в газете, относящейся к «желтой» прессе. Редактор поручил ему фактически шпионить за певицей, которая тогда тяжело болела и часто попадала в больницу, что сулило газете постоянную пищу для

сенсационных публикаций. Он действительно стал вхож к ней в дом и поставлял своему редактору желанный материал. Но вот что было удивительно: Пиаф на него за это не только не обижалась, но даже сама «помогала» выполнять не очень-то благовидные задания...

Несколько лет назад я встречалась в Париже с Жаном Ноли и спросила его:

— Почему все-таки Пиаф терпела, что в ее квартире постоянно находились двое «папарацци», подглядывавшие за каждым ее шагом и готовые разгласить все ее тайны!

В ответ он улыбнулся и сказал:

— Потому что это была Пиаф. А у нее все зависело от личной симпатии. Если кто-то пришел к ней по душе, ее не интересовало, каков этот человек с точки зрения общественной морали, поведения и прочее. Он становился ее другом, и точка. Я стал ее другом. И она прекрасно входила в мое положение. Только иногда посмеивалась над ним. Я ценил это и старался по возможности... не падать слишком низко. Вот так мы и сосуществовали.

И вот так собрался у журналиста материал для этих воспоминаний, отрывки из которых вы можете сегодня прочитать.

Е. КАРАСЕВА

За рубежом. — 1992. — март (№10). — с. 22-23.

Последний шанс быть любимой

Жан Ноли

В ОТ УЖЕ три дня по Парижу носилась тревожная новость: Эдит Пиаф снова в больнице, в очень скверном состоянии. Но куда именно ее доставили, никто из журналистов не мог разнюхать. Моя газета срочно отозвала нас с Угом Вассалем (известный в то время фоторепортер. — Ред.) из провинции, где мы готовили очередной репортаж, и дала «внеплановое» задание: разыскать Эдит и сделать материал с «эффектным снимком». Главный редактор не сомневался, что мы справимся: ведь у нас имелись «личные связи» на бульваре Ланн (то есть в доме, где жила певица. — Ред.).

...Элегантная, утопающая в деревьях улица. Тишина и покой. Белый узкий фасад здания с табличкой «Клиника Артмана». Мы осторожно толкнули стеклянную дверь. И сразу же поняли, что адрес нам дали правильный: откуда-то сверху до нас донесся раскатистый, громогласный смех Эдит.

— Она на третьем этаже, — произнесла дежурная злым голосом. И добавила, когда мы уже входили в лифт: — Буду вам весьма признательна, если вы попросите госпожу Пиаф вести себя потише. Здесь все-таки больные лежат, а она такой шум поднимает.

Поднимала шум Эдит не одна, а в обществе двух молодых людей. Одним из них был Клод Фрежус, ее секретарь. Вторым — неизвестный нам верзил в свитере-водолазке и черных брюках, который не сводил глаз с Эдит, блаженно улыбаясь. Сама она отнюдь не выглядела умирающей: бодро восседала на своей металлической кровати, держа на коленях поднос с чашкой чая, а также бутылкой шампанского и двумя бокалами — для гостей. Было ясно, что и на этот раз ей удалось быстро справиться с недугом и «воскреснуть».

— А, вас-то нам и не хватало! — прокомментировала она наше появление и представила всех друг другу: — Это Тео Сарапо, который теперь будет моим вторым секретарем. Человек он грамотный, имеет степень бакалавра, так что займется моей перепиской. Видите, я тут времени даром не теряю.

Кивками мы выразили свое одобрение, после чего Эдит обернулась к Тео и, осветив его так хорошо знакомой нам лучезарно-властной улыбкой влюбленной женщины, произнесла: — Познакомься, Тео, это мои самые любимые журналисты.

Мы обменялись рукопожатиями. Рука Сарапо была вялой и влажной. Скажу честно, в этот момент ни я, ни Вассаль не испытывали к нему симпатии. Его тяжеловесные черты лица, нарочито беспорядочная черная шевелюра, толстые губы и томный взгляд, упитанное тело и слегка гнусавый голос не пришлись нам по вкусу. Весь он был каким-то чересчур мягким, чересчур любезным и услужливым. Доброта его настолько бросалась в глаза, что показалась нам тогда подозрительной. Конечно, вообще-то не нам было судить этого человека. Но, как ни странно, сердечные дела Эдит в какой-то степени сделались и нашими делами. Потому что мы ее очень любили. И потому что, как и все ее окружение, немного ревновали, когда какой-то незнакомец возникал на ее пути и «похищал» ее у нас.

— Так что вы там замышляете? — напрямик спросила она у «любимых журналистов». И, услышав о задании вернуться в редакцию с «душераздирающим» снимком, на котором она была бы изображена с капельницей и при последнем издыхании, любезно ответила, заговорщицки улыбнувшись:

Жан Ноли: «ТРИ ГОДА, ЧТОБЫ УМЕРЕТЬ». Издательство «Сток», Париж, 1973 год.

Jean Noli: «TROIS ANS POUR MOURIR», Editions Stock, Paris, 1973.

— Ладно, сегодня я уже устала, а завтра мы такой снимок организуем. На улице Уг спросил меня:

— Что ты думаешь по поводу этого Сарапо?

— Думаю, что он на бульваре Ланн долго не задержится, — уверенно прогнозировал я.

...Н О МОИ прогноз не оправдался. Скоро всем стало ясно, что молодой человек, имеющий обыкновение одеваться во все черное, рано или поздно превратится в нового протеже Эдит. И даже больше, чем просто протеже. В редакции нам с Вассалем было рекомендовано «внимательно следить за процессом». Что мы и делали: поджидали того момента, когда Пиаф с гордым видом сообщит окружению: «У Тео красивый голос. Я сделаю из него певца». Мы заранее знали, что слова эти в действительности будут означать признание в любви, ибо именно таким образом Эдит неизменно представляла каждого из тех, кто сумел завладеть ее сердцем.

Тем временем Тео приступил к своим новым обязанностям в доме на бульваре Ланн. И сразу же стал пользоваться теми знаками внимания и уважением со стороны «обслуживающего персонала», которые здесь было принято выказывать «господину». Секретарша Даниэль носилась вокруг не-

го словно муха, ища, чем бы услужить. Горничная Кристиан выпытывала у него, какие он предпочитает блюда, чтобы передать эти сведения на кухню, своей матери Сюзанн. Впрочем, в плане кулинарии все было чрезвычайно просто, поскольку Эдит сама «прописала» ему облегченное меню: мясо, зеленый салат, обезжиренный сыр, фрукты. Да-да, Тео, по ее мнению, надо было худеть. Прищурив глаза, из-под опущенных век она внимательно к нему присматривалась, оценивая его возможности, представляя его на сцене. Эти взгляды не оставляли у нас никаких сомнений относительно ее планов.

Однако, по своему обыкновению, до поры до времени Эдит соблюдала все формальные правила игры. Первейшая обязанность Тео состояла в том, чтобы делать ей прическу. И он справлялся с этим превосходно, проявляя массу вкуса, действуя с точностью профессионала. Он ведь и был профессионалом этого дела: в прошлом работал дамским мастером у своего отца, господина Ламбукуса, грека, державшего модный парикмахерский салон в очаровательном местечке Фрэт-сюр-Сен неподалеку от Парижа.

А между двумя укладками Тео готовил ответы на письма, которые получала Эдит. Приходили они в огромных количествах, не менее полсотни в день. В основном это были рассказы о каких-то тяжелых человеческих

судьбах, чаще всего о больных детях. И смысл посланий сводился к тому, что спасти несчастных может лишь Пиаф, дав им денег... Эдит давала. Когда больше, когда меньше — это зависело от ее настроения и от состояния финансов. Но как бы ни складывались ее собственные денежные дела, она регулярно, раз в месяц, посылала переводы шестерым старикам, которых фактически содержала. Был еще у нее на иждивении один «роскошный клошар», который трижды в неделю звонил в дверь ее квартиры. А когда Даниэль делала попытку прогнать его, он, величественный в своих лохмотьях, уверенный в незыблемости своих прав, громко кричал с порога:

— Эдит, я пришел! А эта девка не хочет мне ничего давать!

Если его вопль долетал до ушей Эдит, то она выходила в прихожую и вручала ему десять тысяч старых франков — чего по тем временам было вполне достаточно, чтобы устроить не одну грандиозную попойку. Он рассовывал купюры по карманам, поправлял шляпу и произносил:

— Благодарю тебя, подружка, и до скорого! Надеюсь, ты не собираешься на гастроли...

— Не волнуйся, — успокаивала она его сквозь смех. — Ради тебя я задержусь в Париже.

С УДЬБА Тео определилась в апреле. Как-то раз, когда я был у Эдит, раздался звонок в дверь. Даниэль пошла открывать и, вернувшись в салон, с растерянным видом объявила в полголоса:

— Пришел Дюмон!

(Композитор Шарль Дюмон был близким другом и возлюбленным певицы, с которым у нее произошла ссора незадолго до ее знакомства с Тео Сарапо. — Ред.). Взгляды всех присутствующих выжидающе устремились на Эдит. Она ненадолго задумалась. Затем, приняв непроницаемый вид, приказала:

— Пусть войдет!

Шарль вошел — явно взволнованный и не знающий, как лучше себя повести: то ли поцеловать Эдит, то ли пожать ей руку, то ли вообще ничего не делать. Неожиданно она сама пришла ему на помощь, принявшись шутовски его попрекать:

— Так что, мы все еще дуемся? Мы убегаем из дома? — И дав ему понять, что он прощен, с гордостью объявила: — Позволь представить тебе Тео Сарапо, эстрадного певца!

Ну вот, слова признания были произнесены. Первым, кто, услышав их, подскочил от изумления, был сам Тео. Потом он мучительно покраснел, но промолчал. Раз Эдит так распорядилась, значит, ничего не оставалось, как подчиняться и приводить приказ в исполнение.

...Что могло сблизить эту сорокасемилетнюю женщину с лицом, истерзанным несчастиями, с фигурой, которую болезни превратили в жалкий комочек, и этого красивого и бесхитростного мужчину на двадцать лет моложе ее? Над этим вопросом тогда ломали себе голову многие знакомые Эдит. По моему мнению, объяснение следует искать в противоположности их характеров. Пиаф была властным человеком. Ее натура не допускала поражений. Все должно было ей подчиняться: и мужчины, и работа, и болезни. Даже сама смерть долгое время отступала перед ее волей. Но по мере того как время подтачивало ее силы, она становилась все более одинокой. И это отсутствие настоящей любви и привязанности со стороны окружающих делало ее уязвимой, уязвимой. К тому времени, когда появился Тео, мало кто из мужчин согласился бы разделить с ней свое существование, смог бы выдержать все эти ураганы, которые все безжалостнее обрушивались на нее и без того подорванное здоровье... Ей нужен был человек, который любил бы ее, принимал такой, какая она есть, ухаживал за ней и, помимо всего прочего, сносил все ее капризы и приступы дурного настроения. Тео неожиданно оказался тем самым человеком, которого она уже не чаяла встретить. Он, несомненно, был слабохарактерным и нуждался в том, чтобы его направляла авторитарная и сильная женщина, какой и была Эдит. Она же нашла в нем доброту, терпение и беззаветную преданность. Он был для нее... последним шансом быть любимой. Она же для него — шансом стать другим.

В ИЮНЕ Эдит со всей своей «свитой» перебралась под Париж на дачу к Лулу Барье (ее бессменный импресарио. — Ред.). И здесь, в гостинице большого деревенского дома с дощатыми стенами и занавесками в красно-

белую клеточку, все потекло, как и на бульваре Ланн. Большая часть дня проходила в репетициях с пианистом и аккордеонистом: Пиаф готовилась к гастролем по Лазурному берегу, которые были намечены на август. И быстро восстанавливала форму, утраченную во время болезни. Голос ее с каждым днем набирал все больше былой силы и красоты, и присутствовать при ее работе становилось истинным наслаждением.

Настроение, однако, портилось, когда наступал черед Тео репетировать. Надо честно признать, что поначалу это было сущей мукой для всех — и для него самого, и для нас, кто его слушал. Пока он пытался что-то исполнить, мы тайком бросали друг другу скорбные взгляды. Мы были абсолютно уверены, что бедняга напрочь лишен способностей и никогда не сумеет пригрозить приличный концертный номер из пяти песен, никогда не научится нормально держаться на сцене.

Единственным человеком, не разделявшим наше мнение, была Эдит. Она вбила себе в голову, что в августе должен состояться дебют Тео. И вот ее несчастный протекже тянул изо всей мочи ноты — как каторжанин тает за собой кандалы... Ей было не впервой «делать» нового певца — сколько исполнителей, ныне знаменитых, своими первыми успехами и мастерством обязаны именно Пиаф! Но такой ученик, как Тео, ей действительно попался впервые.

Но она его любила. И потому проявляла к нему почти материнское терпение. Только ведь и самые нежные мамы время от времени выходят из себя и наподдают своим деткам подзатыльников. Так и Эдит иногда, устав повторять одни и те же замечания, вдруг взрывалась и, как это с ней обычно бывало в такие моменты, делалась агрессивной и грубой:

— Нет, нет и нет! — кричала она. — У тебя что, уши заложено? У тебя что, кочан цветной капусты вместо головы?

Под градом оскорблений Тео пригибался, как это делают матросы на палубе, чтобы в них не попали сильные брызги волн.

— Начинать все сначала, — гремела «учительница».

Мы, сидя в уютной полутьме гостиной, молили Бога, чтобы Тео спел наконец так правильно. Но нет, беспотковый воспитанник снова, уже в который раз, повторял все ту же дурацкую ошибку.

Иногда Шарль Дюмон незаметно шептал мне на ухо: «То, что она продлевает над Тео, — это вызов элементарной логике». Я был с ним согласен. «Грек», как мы звали его между собой, никуда не годился. Стоял возле пианино, переминаясь с ноги на ногу, словно большой черный медведь: свое пение сопровождал нелепыми старомодными жестами, скопированными с американских певцов 20-х годов: широко расставлял ноги, словно собирался перешагнуть через ручей; непопад разводил руками, обращая ладони кверху — само воплощение скорби и уныния.

Импресарио Лулу Барье сохранял обычную для него невозмутимость. Прислонившись к стене, в спортивной рубашке с расстегнутым воротом, руки в карманах, он наблюдал за всем этим зрелищем с видом человека, привыкшего к капризам Эдит и давно уже с ними смирившегося. В такие моменты его наверняка одолевал один и тот же вопрос: как запродать «продукт Сарапо» директорам концертных залов? Поначалу, конечно, можно просто сказать им: «Для Эдит очень важно, чтобы этот артист выступал с ней в одной программе». И этого будет достаточно, чтобы контракты оказались подписаны. Но как быть потом, когда начнутся концерты?.. Временами Лулу поднимал глаза вверх, будто молил о чем-то небеса. Когда же Эдит спрашивала его мнение по поводу своего подопечного, то он не моргнув глазом неизменно отвечал: «Неплохо... неплохо».

— Ну вот, видишь? — оборачивалась она с радостной улыбкой уже к самому Тео. — Лулу находит, что ты делаешь успехи. Значит, так оно и есть. Он не из тех, кто проявляет снисхождение!

КАК объяснить это чудо? Когда после месячной разлуки, в середине июля я пришел на бульвар Ланн, куда к тому времени уже вернулась Пиаф, Тео был неузнаваем: он пел хо-ро-шо! Конечно, не как Морис Шевалье. Но прогресс был фантастический! Теперь, во всяком случае, он мог выйти на

сцену и исполнить несколько вещей, как говорится, «не хуже других» — не вызвав смеха.

Я сделал ему комплимент, а он в ответ произнес своим любезным голосом:

— В детстве меня пугали домовыми. Но теперь я знаю, что Эдит страшнее всех домовых. Она заставляла меня работать по десять часов в день. Ночью приходила ко мне в спальню, чтобы обсудить программу, которую мы готовили. Я крепко спал, и она тормозила меня, щипала за пятки и потом еще и обзывала. Глупо в этом признаться, но она доводила меня до слез, я ревел, как ребенок.

— Ну, теперь самое страшное уже позади, — предположил я.

— Боюсь, что нет, — вздохнул он. Его опасения были оправданны. Мало с кем из начинающих артистов так обращались, кем так помыкали и кого так унижали, как Сарапо. Он находился теперь в полной зависимости от Эдит: вечно в состоянии боевой мобилизации, готовый исполнить любое ее требование, панически страшась что-то не так сделать, не так сказать.

Прояви Эдит побольше философской мудрости и терпимости, поменьше поспешности, она добилась бы от Тео тех же самых результатов, не доставляя ему столько тяжких минут. Но, видимо, она предчувствовала, что ее собственное время уже сочтено, что силы на исходе и близится конец и что с Тео медлить нельзя — надо было успеть пока не поздно «устроить» его в этой новой карьере. А значит, надо было работать в два раза быстрее обычного.

ИХ ОБРАЗ жизни временами забавлял, временами вызывал чувство неловкости. Тео занимал в квартире у Пиаф одну из лучших комнат — светлую, просторную, выкрашенную в розовый цвет. Эдит теперь появлялась с ним под руку открыто, ни от кого не таясь. Нередко случалось, что вечером они вместе шли в кино. И люди на улице при виде этой странной пары оглядывались им вслед, недоуменно пожимая плечами... Должен признаться, что, когда они обнимались и целовались в присутствии посторонних, я испытывал неловкость. Но Тео выглядел счастливым. И Эдит — тоже.

Однако Пиаф долгое время не разрешала Вассалло фотографировать ее и Тео в нежных позах. Она испытывала некоторое беспокойство по поводу того, как воспримут подобные снимки читатели газеты, то есть ее зрители и поклонники ее таланта. Однажды, отведя меня в сторону, она спросила:

— Как, по-вашему, моя публика отнесется к моей связи с Тео? Знаете, когда женщина моего возраста живет с мужчиной, который намного ее моложе, это ведь всегда шокирует людей. Но вы же сами видите — как бы Тео ни раздражал меня, как бы мне ни хотелось иногда его поколотить за несмышленность и мягкотелость, я все равно люблю его. Вы даже не представляете себе, на какое он способен самопожертвование ради меня! С тех пор как он здесь, я больше не одинока, мне больше не страшно по ночам. Вы меня понимаете? Вы мне верите?

— Конечно, Эдит.

— Но поймут ли меня мои зрители, мои поклонники, как вы считаете?

А теперь-то я, кажется, начинал действительно понимать, куда она клонит.

— Давайте я напишу статью в своей газете примерно в таком разрезе. И по читательской почте, которая на нее придет, будет видно, как на все это реагирует ваша публика, — предложил я.

— А что, неплохая идея! — воскликнула Эдит с притворной радостью: будто я сам до этой идеи додумался, а не она меня к ней упорно подводила, избегая, однако, формулировать подобную просьбу. — И вправду, возьмитесь-ка за это дело. И напишите прочувствованно, с настроением...

— Не сомневайтесь, Эдит, все будет как полагается...

Без всякого преувеличения могу сказать, что в ответ на мою статью в редакцию пришли тысячи писем. Новая любовная связь певицы получила, что называется, одобрение подавляющего большинства их авторов. Заручившись такой внушительной поддержкой, Пиаф могла спокойно ехать с Тео на Лазурный берег.

Окончание следует.